

МОДЕЛЬ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ПРОЦЕССА И ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ВАРИАТИВНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО РЕЗУЛЬТАТА

Разрабатывается модель интерпретационного процесса и выявляется роль формально-смысловой организации интерпретируемого текста, в частности его имплицитных компонентов, детерминирующих множественность интерпретационного результата. Верификация предлагаемой модели осуществляется на основе использования лингвистического эксперимента.

Ключевые слова: множественность интерпретации, интерпретируемый и интерпретирующий тексты, адресат-интерпретатор, имплицитность.

Задачей настоящей статьи является представление модели интерпретационного процесса, выявление компонентов, детерминирующих множественность интерпретационного результата, проявляющегося в вариативности истолкования смысла текста, и экспериментальное подтверждение роли одного из составляющих модели – текста, содержащего как эксплицитные, так и имплицитные компоненты. Актуальность и новизна нашего исследования определяются общим интересом современной лингвистики к изучению текста как носителя сложного смыслового потенциала и языковых факторов его реализации, с одной стороны, и активной продуцирующей деятельности адресата-интерпретатора – с другой.

Основу разрабатываемой нами модели составляют коммуникативно-деятельностная концепция языка и теория интерпретации, или лингвистический интерпретационизм [1, 2], в том числе философская и юридическая герменевтика [3–5], а также литературоведческие теории читателя [6]. При этом мы актуализируем положения *структурно-семиотического* направления интерпретации, в русле которого текст рассматривается как самодостаточная реальность и как система функционирующих в речи языковых знаков [7], т.е. единиц, находящихся в оппозиции языкового потенциала и его речевой реализации. Смысл текста задается факторами не индивидуально-психологического, но объективно-структурного характера как дешифровка текстового кода. Вместе с тем мы разделяем идеи *постмодернизма*, в соответствии с которыми интерпретация текста осуществляется вне постановки вопроса о ее правильности, т.е. соответствии некоему исходному, авторскому, а значит, «истинному» значению. Это связано с иным, нежели в герменевтической традиции, осмыслением роли автора, или «смертью автора» [8], концентрированностью текста на читателе [8, 9] и постулированием активной, продуцирующей природы чтения [6]. При таком подходе закономерным и актуальным для нас является тезис о независимости, самостоятельности и вариативности интерпретации, тезис, согласно которому текст как целостная функциональная структура открыт для множества смыслов; текст существует в потенциальном единстве явных и неявных, невербализованных значений, буквальных, вторичных, скрытых смыслов, реализуемых в процессе интерпретации и представляемых множественностью смыслового результата.

В соответствии с изложенными выше концептуальными положениями представим модель интерпретационного процесса. Интерпретация (от лат. *interpretation* – истолкование, разъяснение [10]) понимается нами как «когнитивный процесс и одновременно ре-

зультат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий» [11. С. 31]. Положив в основу нашего подхода понимание интерпретации, разработанное В.З. Демьянковым [1, 12, 13], подчеркнем ее двуединую сущность, заключающуюся в том, что интерпретация есть одновременно *процесс* и *результат*.

Интерпретация как процесс представляет собой когнитивную (ментально-языковую) деятельность, сущность которой заключается в «*смыслосчитывании*» [10], или *распредмечивании*, т.е. процессе, при котором содержание (смысл) языкового выражения (предмета) становится достоянием субъекта-интерпретатора, и *смыслопостроении*, или *опредмечивании*, т.е. процессе, при котором содержание (воспринимаемый смысл) получает языковое воплощение. Иными словами, разрабатываемая нами модель рассматривает интерпретацию как процесс последовательного перехода от текста к смыслу, зафиксированному в форме текста, т.е. реализация модели «текст – смысл – текст». При этом наше видение процедуры «смыслосчитывания/смыслопостроения» соотнобразует с интеракционной концепцией коммуникации, согласно которой интерпретационный процесс представляет собой не механическое обратное действие декодирования замысла автора, как это утверждает сторонниками информационно-кодовой модели коммуникации, а креативный и потому относительно самостоятельный и независимый процесс по созданию собственного текста. Креативность интерпретационного речемыслительного процесса определяет разновекторный характер его развития, содержащего точки ветвления интерпретационных ходов, определяющие выбор субъектом-интерпретатором смысловой версии и языковых средств ее воплощения, что детерминирует множественность (вариативность) интерпретационного результата.

Интерпретация как процесс составляет необходимую часть когнитивной деятельности человека, и способность к осуществлению такой деятельности «можно считать нашим шестым «органом» чувств» [14. С. 14]. При этом интерпретация дифференцируется как по *форме* своей репрезентации, так и по *способу* проявления. Форма интерпретации может варьироваться от молчаливой интуитивной рефлексии до осознаваемой, актуализируемой и вербализованной соответствующими языковыми средствами. Хотя, как утверждает И.М. Кобозева [15], нормой является неэкстериоризованная форма интерпретационного процесса, предметом собственно лингвистического рассмотрения является интерпретация, воплощенная в текстовой форме. Причем интерпретация воплощается в виде интерпретирующего речевого акта лишь при определенных ус-

ловиях. Так, в разрабатываемой нами модели интерпретационного процесса таким условием является организация лингвистического эксперимента (см. об этом ниже), стимулирующего экстерииоризацию интерпретационного процесса.

Способ интерпретации зависит от гносеологического (профессиональный/непрофессиональный) уровня ее проявления. Так, можно говорить, с одной стороны, о *стихийной, обыденной интерпретации*, проявляющейся в речевой деятельности рядового носителя языка, что и составляет предмет нашего исследования, и, с другой стороны, о *научной*, теоретически обоснованной и методологически последовательной, *герменевтической интерпретации*. Думается, что отличие этих способов интерпретации заключается в степени проявления их «метаязыковости», т.е. большей/меньшей степени осознанности цели, методики и результата интерпретации. При этом варьирование интерпретационного результата имеет место как в сфере обыденной интерпретации (это будет продемонстрировано ниже), так и в сфере научной интерпретации, что подтверждается многообразием теоретических концепций, а также практических руководств, посвященных интерпретации текста как ментального продукта в целом и конкретных текстов в частности.

Модель интерпретационного процесса как ментально-языковой деятельности, включенной в структуру коммуникативного акта, содержит такой фациенс, как *субъект* интерпретации, который, являясь адресатом речевого произведения, в то же время играет роль не пассивного получателя речевого продукта, но, напротив, рассматривается нами как активный, создающий собственную ментально-речевую продукцию субъект восприятия и интерпретации. Очевидно, это имел в виду А.А. Потебня, когда говорил, что слушающий, «...понимая слово, создает свою мысль, занимающую в системе, установленной языком, место, сходное с местом мысли говорящего» [16. С. 307]. Субъект как фациенс интерпретационной модели содержит в себе мощный потенциал развития интерпретационного процесса по сценарию множественности (и даже конфликтности) интерпретаций и определяет вариативность ментально-речевого результата. Такой потенциал детерминирован личностным [17], лингвоперсоналогическим фактором [18, 19], обусловленным сложным взаимодействием, с одной стороны, «внушаемой» автором, прогнозируемой интерпретации и интерпретации «ожидаемой», извлекаемой адресатом, а с другой стороны, такой потенциал обусловлен многообразием типов языковых личностей адресатов, их интенциональностью, особенностями применяемых ими интерпретационных стратегий, в том числе инвариантных, наднациональных, и вариативных, национальных, групповых, отражающих знания, жизненный опыт, языковую компетентность, языковую способность, рецептивные стереотипы личности интерпретатора.

Разнообразные стратегии интерпретации текста можно свести к двум основным принципам: *холистическому* и *элементаристскому*. Как известно, любой текст представляет собой структурированную целостность. Приверженцы холистического принципа во главу угла кладут признание целостности воспринимаемого

его объекта в качестве неперменного условия отражения его качественного своеобразия. Знаменитые парадоксы: «целое больше суммы своих частей» и «познание целого невозможно без познания его частей, но последнее немислимо без знания о целом», которые были подмечены уже Аристотелем, а в особенно заостренной форме сформулированы Шеллингом, здесь как бы снимаются в пользу признания приоритетности целого и целостности. Холистический подход акцентирует описание процедуры восприятия по принципу «сверху вниз». Элементаризм, напротив, предполагает, что восприятие строится «снизу вверх» в процессе структурирования результатов отражения, относящегося к простейшим признакам, элементам воспринимаемого объекта, и смысл целого складывается из смысла составляющих его элементов.

В процессе функционирования текста адресат-интерпретатор соответственно в большей степени ориентируется или на холистический подход, т.е. воспринимает текст как некую целостность, в совокупности формы и значения, или на элементаристский, т.е. актуализирует отдельные элементы текста, комбинация содержательных компонентов которых позволяет «вычислить» смысл в целом. При этом можно предположить, что названные общие принципы интерпретации часто носят «дотекстовый» характер и соответствуют типу языковой личности.

Интерпретационный процесс направлен на восприятие и осмысление текста – *объекта* интерпретационной деятельности, который в соответствии с нашей концепцией мы называем *интерпретируемым текстом* [20, 21]. При этом мы исходим из мысли о том, что любой текст обладает свойством интерпретируемости, или, иными словами, интерпретируемость есть универсальное свойство текста, обусловленное в первую очередь его знаковой природой. Далее мы полагаем, что любой текст обладает свойством *полиинтерпретируемости*, которое обуславливается такими его качествами, как целостность и структурированность, семиотичность и семиозис, генетическая связь с автором и функциональная связь с адресатом, эксплицитность и имплицитность, статичность и динамичность (ср.: «Текст как бы двоятся: он остается рядами графически выраженных слов и одновременно реализуется в некотором иконическом пространстве» [7. С. 209]). Свойство полиинтерпретируемости текста экстерииоризуется при определенных условиях в ходе интерпретирующего речевого акта [22] и воплощается в виде вариативных тексто-смысловых построений, представляющих собой *результат* интерпретации. Такие тексто-смысловые построения, в генетическом аспекте – вторичные, находящиеся в отношениях формально-смысловой детерминации относительно интерпретируемого текста, а в лингвокогнитивном аспекте представляющие собой импликации (логическое следствие) исходного текста, назовем *интерпретируемыми текстами*. Интерпретируемый текст детерминирует множество интерпретирующих текстов, находящихся между собой в отношениях формально-смыслового варьирования.

Вместе с тем интерпретируемый текст представляет собой сложное образование, включающее диктумно-

модусное пространство, функционирующее в пространстве коммуникативном. Вследствие этого можно предположить, что интерпретационный процесс способен разворачиваться в соответствии с различными сценариями: интерпретация текста как фациенса коммуникативного процесса, как носителя диктумного содержания и как способ выражения субъективного отношения к получаемому сообщению. При этом разворачивание каждого сценария осуществляется посредством его аппликации (наложения) на интенциональность интерпретатора, что в свою очередь имеет следствием множественность и вариативность интерпретационного результата.

В случае развития интерпретационного процесса по первому сценарию интерпретирующий текст актуализирует такие компоненты интерпретируемого текста, как *образ автора*, его *замысел (интенциональность)*, *каузативный* и *телеологический* компоненты авторской деятельности – квалификация причины и цели создания текста – *перлокутивный эффект* текста (удачно/неудачно сказано, понятно/непонятно).

При втором варианте разворачивания интерпретации адресат представляет текст в аспекте его диктумного содержания, которое моделируется посредством *пропозиционального фрейма*, т. е. интерпретатор репрезентирует *образ ситуации*, актуализирует ее фациенсы (*предикат, актанты и сирконстанты*). Интерпретация диктумного содержания, в сущности, представляет собой на основе восприятия вербальных знаков и переработки извлекаемой информации построение ментального представления ситуации как результат денотативно-сигнификативного процесса.

Реализация интерпретационного процесса в соответствии с третьим сценарием предполагает восприятие интерпретируемого текста в модальном аспекте, что означает актуализацию составляющих его модальной рамки: *персуазивность*, т. е. оценка интерпретатором представленной в тексте информации как достоверной/недостоверной; *перспектива* высказывания, т. е. представление информации с точки зрения позиции моделируемого автора или адресата/адресатов; *коммуникативный фокус*, т. е. выделение актуально значимой информации (ремы высказывания); отношение к результату в аспекте «ясно/неясно сказано»; отношение к используемым автором языковым средствам передачи информации; отношение к композиционным частям текста.

Ход интерпретационного процесса может разворачиваться в соответствии с двумя типами: *последовательным* и *параллельным*, дифференцированными по параметрам «время – пространство». При последовательном развертывании интерпретационного процесса каждый интерпретирующий текст является интерпретируемым относительно текстов следующей ступени; при этом совокупное множество интерпретирующих текстов противопоставлены по временному параметру. В соответствии с таким типом интерпретации действует языковой механизм распространения слухов. При параллельном развертывании процесса интерпретации интерпретируемый текст является исходным для одновременно получаемой совокупности интерпретирующих текстов, противопоставленных по пространственному параметру. Такой тип интерпретации реализует-

ся, например, при проведении лингвистического эксперимента с привлечением определенного количества испытуемых. Рассматриваемый нами языковой материал и аспекты его описания предполагают параллельный тип интерпретации.

Разрабатываемая нами модель интерпретационного процесса далее рассматривает текст как обладающую признаком целостности и состоящую из множества упорядоченных элементов систему, проявляющую и формирующую свои свойства во взаимодействии со *средой*. Среду по отношению к тексту (а также той или иной языковой единице) мы вслед за А.В. Бондарко понимаем как «множество языковых (добавим – и внеязыковых. – Л.К.), элементов, играющее по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которым она выполняет свою функцию» [23. С. 7]. В реализации смыслового потенциала текста роль среды играет *контекст*, в структуру которого, согласно нашей концепции, адресат вписывает интерпретируемый текст в процессе ментально-рецептивной деятельности. При этом мы различаем *вертикальный* и *горизонтальный контексты* [20]. Вертикальный контекст включает такие его составляющие, как *интенциональность*, точнее интенциональный комплекс рецептивной деятельности адресата (модус, пресуппозиция, исходное предположение, или установка, оценочная коннотация), *фоновые знания*, *социальный статус*, *социально-психологический тип*, *индивидуально-личностный тип реципиента*. Горизонтальный контекст включает такие составляющие, как *жанр (тип текста)*, *коммуникативная ситуация*, *событийная ситуация*, *социальный контекст*, *культурно-исторический контекст*. При этом горизонтальный контекст может быть как вербальным, так и невербальным. Совокупность элементов среды (контекста) в их различной комбинации и сложном взаимодействии определяет реализацию смыслового потенциала текста при его рецептивном функционировании. Иными словами, один и тот же текст, функционально представленный в различных контекстуальных условиях, реализуется вариативной множественностью смысловых репрезентантов (примеры, иллюстрирующие это положение, представлены в книге И.М. Кобозевой [24]).

Акцентируя положение о том, что интерпретационный процесс имеет своим *результатом* интерпретирующий текст, добавим, что о результате следует говорить не только в объективно-языковом аспекте, но и в субъективно-психологическом. При таком подходе результатом интерпретации как ментально-когнитивной деятельности следует считать *коммуникативное удовлетворение*, получаемое интерпретатором от соответствия интерпретационного ожидания интерпретационному результату и осознанию *формально-смысловой гармонии* между воспринимаемой текстовой формой и извлекаемым содержанием.

Таким образом, феномен множественности интерпретации определяется ее сущностью, проявляющейся в потенциальной разновекторности интерпретационного процесса, обусловленной варьированием таких фациенсов модели, как субъект, его интенциональность, вариативность принципов, применяемых стратегий интерпретационной деятельности, формы и способа

репрезентации интерпретационного результата, реализующегося в виде множественности интерпретируемых речевых произведений, а также спецификой объекта интерпретации – текста – как семиотического феномена, состоящего из рядов расположенных графических языковых знаков и функционирующего в коммуникативном пространстве; текста, состоящего из эксплицитных языковых единиц, сопровождаемых в их функционировании имплицитными компонентами, особенностью которых заключается в их полиинтерпретационном потенциале.

Верификация представленной модели интерпретационного процесса, вскрывающей факторы, детерминирующие множественность интерпретационного результата, может быть осуществлена на основе использования экспериментальных методов. Предлагаемая ниже экспериментальная часть нашего исследования имеет целью доказать роль одного из факторов интерпретационного процесса – интерпретируемого текста, характеризующегося свойством имплицитности.

К настоящему времени сложились три подхода к выявлению множественного смыслового потенциала текста: *интуитивно-субъективный* (метод самонаблюдения), *описательный* (метод наблюдения) и *экспериментальный*. Первый из них заключается в обращении исследователя к своему лингвистическому опыту (имеется в виду его опыт прежде всего как носителя языка, а не как специалиста); на основе применения этого метода выполнено, например, исследование, посвященное выявлению языковых и текстовых факторов синтаксической омонимии [25]. Второй метод заключается в научном описании таких языковых единиц (слов, предложений), формальная организация которых создает условия для нейтрализации разных значений, реализующихся в их речевом функционировании (см., например, работы [26, 27]). Третий метод предполагает обращение к коллективному языковому сознанию реципиентов путем их тестирования.

Не умаляя очевидных позитивных сторон первых двух методов, следует отметить специфические достоинства экспериментального метода, которые заключаются в оперативности получения с его помощью интересующей информации; стандартности этой информации как следствие стандартности текстовых заданий; возможности неоднократного воспроизведения опытных речевых условий, чем обеспечивается их массовость, а значит, и надежность получаемых результатов; объективности научного результата, обеспеченного возможностью такой постановки эксперимента, при которой константные и вариативные условия эксперимента (варьирование задания, текста или его компонентов, варьирование категории испытуемых) позволяют выявить детерминирующие множественность интерпретационного результата системноязыковые и коммуникативно-речевые параметры; возможности экспликации имплицитных смысловых компонентов текста (об эффективности экспериментальных методов в лингвистике см., например, работу [28], а также работы психолингвистического направления).

Этот метод используется нами для экстерииоризации множественности смыслового потенциала речевого произведения и выявления имплицитных компонентов текста, детерминирующих вариативность интерпретационного результата.

В качестве материала для эксперимента мы использовали текст газетного объявления, выбор которого обусловлен, во-первых, высокой степенью его автономности (автосемантии), чем обеспечивается определенная степень независимости от контекста и самостоятельности интерпретационной деятельности адресата; при интерпретации смыслового содержания текста не требуется в необходимой мере знание более широкого контекста. Во-вторых, языковая организация текста (моделируемость образа автора, его интенции и прогнозируемого перлокутивного эффекта, заданность и/или ограничение адресата, точно обозначенные параметры пропозиции, т.е. модель ситуации, конкретно-предметная, в том числе нумеральная, лексика, отсутствие метафорических и образных слов) предопределяют в определенной мере интерпретацию смыслового содержания текста, т.е. «внушаемую» автором, прогнозируемую интерпретацию. В-третьих, объем представленной в тексте информации превышает объем значения вербальных компонентов текста, т.е. интерпретация предполагает выведение и экспликацию имплицитных смыслов, что детерминирует смысловую вариативность результата. При этом конкретно-предметная лексическая организация текста, а следовательно, «интерпретационная заданность», с одной стороны, и наличие в его смысловой структуре имплицитных единиц, а следовательно, «интерпретационный выбор» – с другой, обеспечивают разновекторность интерпретационного процесса: реализация «заданного» автором, «внушаемого» смысла или, напротив, «вычисляемого» интерпретатором. Думается, что результат в определенной мере зависит от «веера» имплицитной информации, необходимым «шлейфом» сопровождающей информацию, эксплицитно представленную в структуре текста.

Цель эксперимента – выявить имплицитные компоненты текста, детерминирующие множественность интерпретационного результата, проявляющегося в вариативности истолкования смысла текста. Согласно нашей концепции, каждый текст в процессе своего рецептивного функционирования реализуется множеством интерпретирующих текстов, находящихся в отношениях формально-смыслового варьирования. Такая вариативность противопоставленных по своей формально-смысловой организации интерпретирующих текстов, отражающих результат рецептивной деятельности адресата, обуславливается взаимодействием различных составляющих интерпретационной модели, одним из которых является интерпретируемый текст, сложность (многоуровневая организация) его смысловой структуры (логико-пропозициональный, референциальный, лексический уровни). В данной статье рассмотрим вариативность интерпретации текста в аспекте его логико-пропозициональной структуры.

Участникам эксперимента – студентам 1-го курса факультета филологии и журналистики КемГУ – был предъявлен следующий текст газетного объявления:

Уважаемые акционеры ОАО «Газпром»!
Газпромбанк
производит выплату дивидендов за 2007 г.
В выходные дни 7–8 мая с 10-00 до 15-00 (без перерыва).
Офис Газпромбанка – 62-й проезд, 10.
Телефон для справок 31-35-87, 31-67-03.

Текст сопровождался вопросом: *Вы являетесь акционером ОАО «Газпрома». Когда Вы сможете получить дивиденды? Свой ответ аргументируйте.* Такая формулировка задания имеет целью стимулировать и направить интерпретационную деятельность. Мы полагаем, что текст является необходимым, но недостаточным условием инициализации интерпретационного процесса. Безусловно, текст является субъектом, стимулирующим рецептивно-когнитивный процесс слушающего, объектом его восприятия и интерпретации (подробнее см. об этом в [21]). Но при этом вовлечение адресата в интерпретационную деятельность возможно при условии соблюдения Принципа Кооперации, о котором писал Г.П. Грайс [29], в том числе категории Отношения и постулата релевантности (*Не отклоняйся от темы*), категории Качества и постулата истинности (*Старайся, чтобы твоё высказывание было истинным*), категории Способа и постулата ясности (*Выражайся ясно*), перефразируя которые можно утверждать, что из множества текстов адресат интерпретирует тот, содержание которого представляется ему релевантным, т.е. имеет к нему какое-либо отношение, а также истинным и ясным. В противном случае имеет место отказ от интерпретации (нулевая интерпретация) или общая негативная оценка текста как коммуникативной единицы (коммуникативная негативно-оценочная интерпретация), т.е. интерпретируется не смысловое содержание текста, а текст как средство коммуникации.

Кроме сказанного, формулировка вопроса предполагает направить интерпретационную деятельность на содержательную сторону исходного текста и, в частности, актуализировать один из фациенсов пропозиции – темпоральный сирконстант, поскольку этот компонент логикопропозициональной структуры данного текста имеет высокий полиинтерпретационный потенциал.

В ходе эксперимента было получено 64 реакции, из них 50 реакций адекватных (78%), а 14 человек (22%) отказались от интерпретации предложенного текста. Из них 10 человек (16%) ссылаются на нарушение постулата релевантности, т.е. полагают, что содержание этого объявления не имеет отношения к ним (*Я не являюсь акционером, а потому не смогу получить дивиденды; Я не являюсь акционером, поэтому не знаю, когда, где и вообще, что такое дивиденды (здесь и далее сохраняется орфография испытуемых. – Л.К.); А мне они не нужны! И в праздники я буду отдыхать, а не заморачиваться насчет этого... Не люблю все эти экономические термины*). 4 человека (6%) дали негативную оценку тексту, усомнившись в его истинности и искренности автора (*Никогда, т.к. в выходные дни банки не работают; Это что, неудачная шутка такая?! В выходные, 7–8 мая, с 10-00 до 15-00 без перерыва!! В*

офисе на 62-м проезде, 10!!; Я понимаю, что это авантюра, я не смогу получить дивиденды. Я обращаю внимание на адрес, он странен: 62-й проезд, 10?.)

Рассмотрим адекватные реакции, содержащие интерпретацию темпорального сирконстанта пропозициональной структуры текста.

Интерпретация представляет собой логико-языковую операцию, репрезентирующую модель ситуации, отображаемую в тексте, т.е. пропозицию. Пропозиция интерпретируемого текста содержит предикат *производить выплату*, актанты *Газпромбанк* (субъект), *дивиденды* (объект), *акционеры* (объект-адресат), а также сирконстанты *7–8 мая с 10-00 до 15-00* (время) и *62-й проезд, 10* (место). Согласно условиям эксперимента адресату необходимо интерпретировать темпоральный сирконстант, иначе говоря, извлечь из текста информацию о времени выдачи дивидендов.

В соответствии с формулировкой вопроса было дано 50 адекватных реакций, в которых предлагалось 4 варианта интерпретации темпорального сирконстанта.

1-я группа (37 ответов – 57%) испытуемых предложили интерпретацию «Выходные дни 7–8 мая» (*Я смогу получить свои дивиденды в указанные дни, т.е. указанные в объявлении дни, т.к. это время для меня удобно так же, как и для ОАО «Газпрома»; Выплату дивидендов за 2007 год можно получить в выходные дни – седьмого и восьмого мая, время получения с 10-00 до 15-00, без перерыва; 7 или 8 мая с 10-00 до 15-00. Отвечаю так, потому что руководствуюсь текстом объявления; Я получу свои дивиденды 7 мая в 12-00, т.к. это у меня свободный день*).

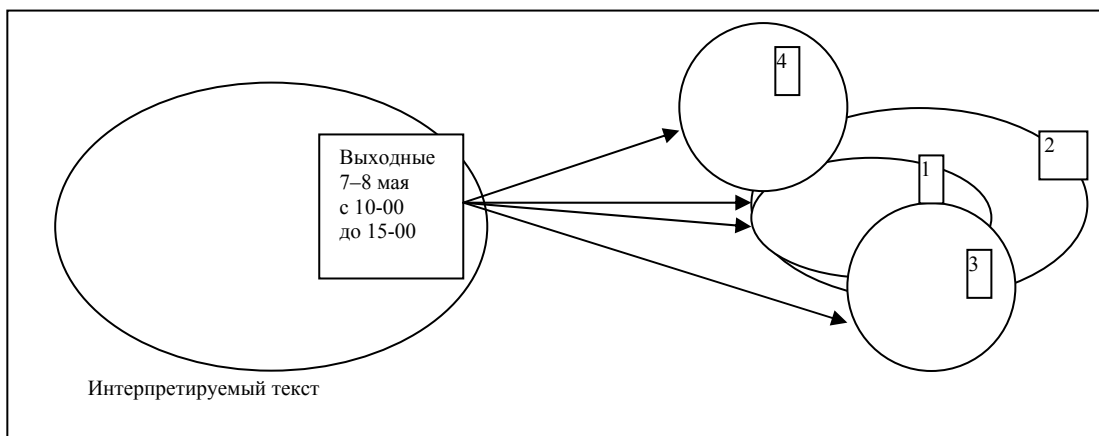
2-я группа (8 ответов – 13%) – «Выходные 7–8 мая и будние дни» (*Если в выходные они работают с 10-00 до 15-00, то я могу получить в любое время недели в будние дни; В любой рабочий день, но в выходные дни 7–8 мая офис будет работать с 10-00 до 15-00 без перерыва; В любое время, желательно в будние дни с 9-00 до 17-00*).

3-я группа (4 ответа – 6%) – «Другое время, кроме указанного в тексте» (*Не знаю, но только не 7–8 мая – выходные же. К тому же предпраздничные дни; Свои дивиденды я получила бы после праздников, когда позвонила бы в справочную и уточнила бы адрес; В конце года, т.к. возможно акции увеличатся, а сейчас лучше пусть еще полежат в банке; Если я акционер ОАО «Газпрома», то получу вместе со всеми акционерами на общем собрании*).

4-я группа (1 ответ – 2%) испытуемых обнаружила в тексте несколько альтернативных смыслов «Выходные дни 7–8 мая» или «Выходные дни и 7–8 мая» (*Дивиденды я смогу получить либо в выходные дни, на которые как раз и выпадает 7–8 мая, либо, если пропущена запятая после слова дни, и в выходные, и в указанную дату*).

Таким образом, текст данного объявления, а точнее темпоральный компонент пропозициональной структуры текста, «задает» множество вариантов его интерпретации, которые можно свести к 4 смысловым версиям: 1) «Вы-

ходные дни 7–8 мая»; 2) «Выходные дни 7–8 мая и будние дни»; 3) «Другое время, кроме указанного в тексте»; 4) а) «Выходные дни 7–8 мая», б) «Выходные дни и 7–8 мая». Схематично это выглядит следующим образом:

Представленные версии находятся в определенных логических отношениях: включения (смысловый объем 2-й версии «Выходные 7–8 мая и будние дни» включает смысловый объем 1-й версии «Выходные дни 7–8 мая»), пересечения (смысловый объем 2-й и 3-й версий), исключения (3-я и 1-я версии), тождества (1-я и 4а версии), альтернативы, т.е. дизъюнкции (версии 4а и 4б) и объединения, т.е. конъюнкции (версии 1 и 4б). При этом вектор интерпретаций, как показано на схеме, имеет лучевой характер, как однонаправленный (1-я и 2-я версии), так и разнонаправленный (1-я и 3-я версии, 1-я и 4-я версии).

Множественность интерпретаций одного из смысловых компонентов текста, как указывалось, обусловлена, среди прочих факторов, собственно текстовыми характеристиками, а именно содержанием эксплицитной информации, необходимым образом определяющей вариативность имплицитной информации.

Общеизвестно, что, помимо эксплицитной информации, практически любое высказывание содержит имплицитную информацию, т.е. информацию, непосредственно не вербализованную, предполагающую косвенные способы ее кодирования/декодирования [30–33]. Важной особенностью имплицитной информации, как пишет И.В. Арнольд, является то, что она имеет вариативную интерпретацию [34]. В лингвистической семантике различается несколько видов имплицитной информации в высказывании, из которых для нас наиболее важны семантическая и прагматическая презумпции и импликация (следствие).

Под семантической презумпцией понимают подразумеваемый семантический компонент предложения, не выраженный в нем с достаточной эксплицитностью. «Семантический компонент Р суждения S является презумпцией S, если ложность Р в некоторой ситуации делает утверждение S в этой ситуации неуместным, аномальным, бессмысленным» [32. С. 53]. Каждая презумпция «порождается» каким-то элементом (словом или синтаксической конструкцией) предложения, т.е. входит в описание его значения. Е.В. Падучева выделяет, с одной стороны, экзистенциальные и фактивные

презумпции, а с другой – презумпции в толкованиях слов [32]. При этом одному предложению может соответствовать несколько презумпций, актуализирующих его разные смысловые компоненты.

Презумпцию рассматриваемого текста можно представить двояко: 1) «Газпромбанк выплачивает дивиденды в будние дни в часы работы банка и в выходные дни по специальному графику» («Газпромбанк» выплачивает дивиденды ДАЖЕ в выходные») и 2) «Газпромбанк» выплачивает дивиденды в течение ограниченного периода» («Газпромбанк» выплачивает дивиденды ТОЛЬКО в выходные дни»). В первом случае актуализируется готовность банка обслуживать акционеров как в течение рабочей недели, так и в выходные дни и учитывать интересы тех клиентов, которые заняты в будние дни и могут посещать банк только в свободное от работы время, а во втором случае подчеркивается возможность банка обслуживать акционеров только в определенный, достаточно ограниченный период. Актуализация первой презумпции обнаруживается в таких интерпретациях: *Если в выходные они работают с 10-00 до 15-00, то я могу получить в любое время недели в будние дни; В любой рабочий день, но в выходные дни 7–8 мая офис будет работать с 10-00 до 15-00 без перерыва; Нас еще предупреждают о том, что если банк работает как обычно, то в дни 7–8 мая рабочий день сокращен;*

Актуализацию второй презумпции видим в следующих интерпретациях: *Я могу получить свои дивиденды в указанные дни, т.к. это время для меня удобно так же, как и для ОАО «Газпрома»; Дивиденды можно получить 7–8 мая 5 часов без перерыва, т.к. в объявлении так написано. Банку удобно выплачивать на выходных.*

Кроме презумпции, в тексте представлена импликация. Импликация, или следование, представляет собой такой семантический компонент, который «подчиняется закону контрапозиции, т.е. если Р есть следствие S, то из отрицания Р следует, что отрицается S» [32. С. 60]. При этом одно исходное высказывание может иметь несколько следствий, в том числе таких, которые

не соответствуют коммуникативному замыслу говорящего или, напротив, планируются говорящим как фактор манипулятивной коммуникации.

Так, рассматриваемый текст имеет несколько следствий, каждое из которых выводится с учетом не только ассертивного компонента текста, но и презумпции: 1) «Акционеры могут получить дивиденды в любое удобное для них время в течение неограниченного срока»; 2) «Акционеры могут получить дивиденды в любое удобное для них время в течение ограниченного срока»; 3) «Акционеры могут получить дивиденды в течение определенного времени 7–8 мая». Первая из указанных импликаций актуализируется интерпретациями типа *Ну, я смогу получить свои дивиденды когда-нибудь; Не знаю, но только не 7–8 мая, выходные же*. Вторая импликация обнаруживается в интерпретациях типа *В любой момент работы банка. Но нас еще предупреждают о том, что если банк работает как обычно, то в дни 7–8 мая день рабочий сокращен*. Третья импликация реализуется в таких ответах, как *Я смогу получить дивиденды в течение двух дней с 10-00 до 15-00, т.е. в течение 5 часов*.

К имPLICITным компонентам относится также прагматическая презумпция, т.е. презумпция о знаниях слушающего. Компонент общих знаний говорящего и слушающего и составляет прагматическую презумпцию. Относительно рассматриваемого нами текста можно утверждать, что говорящий предполагает, что слушающему известна информация о том, что банк с определенной регулярностью выплачивает владельцам акций дивиденды за определенный период. При анализе результатов эксперимента мы видим, что прагматические презумпции «Слушающему известно, что такое дивиденды» и «Слушающий знает, что банк может обслуживать клиентов в выходные дни» могут быть как адекватными, так и неадекватными. В первом случае, т.е. когда обе прагматические презумпции являются адекватными, слушающий предлагает такие реакции, как *В любой момент работы банка. Но нас еще предупреждают о том, что если банк работает как обычно, то в дни 7–8 мая рабочий день сокращен. Решил так, основываясь на личном опыте*. В случае, если ложной является первая презумпция, слушающий реагирует таким речевым ходом, как *Не знаю, что такое дивиденды. Тем более не знаю, как их получить; Я не являюсь акционером, поэтому не знаю когда, где и вообще, что такое дивиденды*. В случае же, когда истинной является первая презумпция, но ложной вторая, то мы имеем такое реагирование, как *Никогда, так как в выходные дни банки не работают; Я понимаю, что это авантюра. Я не смогу получить дивиденды*.

Исследование имPLICITных компонентов интерпретируемого текста как фактора, влияющего на развитие интерпретационного процесса и определяющего множественность смыслового результата, предполагает постановку вопроса об источниках имPLICITной информации. Несомненно, поиски ответа в этом направлении требуют отдельного исследования. Здесь мы можем лишь указать следующие коммуникативно-текстовые источники. Прежде всего, это постулат *Количества*, выражающийся формулой *Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем*

требуется, и связанный с ним постулат *Способа* (*Будь краток, избегай ненужного многословия*) [29]. Реализация этих постулатов в процессе организации текста как фациенса коммуникативного процесса априори предполагает включение в структуру текста имPLICITных компонентов, необходимость которых подтверждается общим коммуникативным принципом экономии речевых ресурсов. Говорящий не вербализует информацию в полном объеме, а концентрирует языковые ресурсы в сфере релевантной информации. Так, в нашем примере не указана информация относительно возможности/невозможности выплаты дивидендов в другие, кроме указанного времени, дни работы банка.

Другим, связанным с названным источником имPLICITной информации является специфика рецептивного процесса, заключающаяся в извлечении (семантизации текстовой формы) информации как процедуре *дотраивания смысла*. Реципиент-интерпретатор, извлекая информацию, встраивает ее в свою картину мира, дотраивая при этом недостающие смысловые звенья.

Следующим источником можно назвать собственно текстовый, а именно вариативность членности текста на составные элементы и вариативность комбинаторики этих элементов. Текст представляет собой упорядоченную совокупность элементов, связанных между собой формально-смысловыми связями при отсутствии жесткой закреплённости связей и вариативности его членения. Так, в нашем тексте можно обнаружить два варианта его членения и соответственно этому два варианта связей: *«Газпромбанк производит выплату дивидендов за 2007 г. в выходные дни 7–8 мая с 10-00 до 15-00»* и *«Газпромбанк производит выплату дивидендов за 2007 г. В выходные дни 7–8 мая с 10-00 до 15-00»*. Т.е. в первом случае имеется одно высказывание, а во втором – два. Вариативность членения текста, несомненно, предполагает различия в его «прочтении».

Существенным источником имPLICITной информации является также специфика семантической структуры слова как единицы языка и выполняемых им функций. Мы исходим из того, что в структуре семантики слова содержатся денотативные, коннотативные и ассоциативные компоненты. Два последних компонента при этом имеют высокий полиинтерпретационный потенциал, что обеспечивает имPLICITность передаваемой информации. И одной из функций слова является смыслопорождающая, что также имеет следствием образование имPLICITных компонентов. В результате таких особенностей лексических единиц слово при его функционировании в тексте содержит больше информации, чем при его представленности в системе. Так, лексема *выходной* ‘день, свободный от работы, день отдыха’ порождает такие имPLICITно выводимые смыслы, как «день, в который учреждения, в том числе банки, не работают» и «в необходимых случаях учреждения и сотрудники работают».

Таким образом, двуединая сущность интерпретации заключается в ее процессно-результативной природе. Интерпретационный процесс реализуется в соответствии с определенной многокомпонентной моделью его развертывания, каждый из которых детерминирует множественность и вариативность интерпретационного результата. Модель интерпретации включает такие фа-

циенсы, как процесс, субъект, т.е. адресат-интерпретатор, объект или интерпретируемый текст, результат, или интерпретирующий текст. Процедура интерпретации предполагает активную ментально-языковую деятельность адресата-интерпретатора по извлечению и достраиванию смысла интерпретируемого текста. Результатом такой рецептивно-креативной деятельности является интерпретирующий текст, репрезентированный совокупной множественностью «смысловых про-

чтений» интерпретируемого текста. Вариативность интерпретационного результата детерминирована как собственно текстовым фактором, в том числе наличием в его структуре имплицитных компонентов, имеющих собственные источники появления, так и лингвоперсонологическим фактором, т.е. типом субъекта-интерпретатора, его интерпретационными стратегиями. Разработка влияния этого фактора и механизма его действия предполагается в дальнейших исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. 1999. № 2. С. 5–13.
2. Jackendoff R.S. Semantics and cognition. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1983.
3. Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2002.
5. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995. 415 с.
6. Фуксон Л.Ю. Чтение. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 224 с.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2004. 703 с.
8. Барт Р. Смерть Автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 384–391.
9. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: Симпозиум, 2005. 512 с.
10. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989.
11. Демьянков В.З. Интерпретация // Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 31–33.
12. Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 172 с.
13. Демьянков В.З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 206 с.
14. Марова Н.Д. Парадигмы интерпретации текста. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. Ч. 1, 2. 503 с.
15. Кобозева И.М. Категории интенциональности и когнитивности в современной лингвистике. Режим доступа: http://rspu.edu.ru/rspu/resources/for_linguists/ko
16. Потемня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
17. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
18. Голев Н.Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История, филология, философия и педагогика». 2004. № 4. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 41–46.
19. Голев Н.Д. Лингвоперсонологическая гипотеза языка // Лингвоперсонология: Типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул; Кемерово, 2006. С. 20–28.
20. Голев Н.Д., Ким Л.Г. Амфиболическое (вариативно-интерпретационное) функционирование текста // Филологические науки. 2007. № 4. С. 80–88.
21. Голев Н.Д., Ким Л.Г. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 144–153.
22. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 63–71.
23. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 4–13.
24. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
25. Колесников Н.П. Синтаксическая омонимия в простом предложении. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1981. 143 с.
26. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 671 с.
27. Лаптева О.А. Речевые возможности текстовой омонимии. М.: УРСС, 2003. 413 с.
28. Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. 193 с.
29. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–238.
30. Долинин К.А. Интерпретация текста: Французский язык. М.: КомКнига, 2005. 304 с.
31. Имплицитность в языке и речи. М.: Языки русской культуры, 1999.
32. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.
33. Стросон П. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. 13.
34. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83–91.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 ноября 2008 г.